

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Т.Ю. ЖУРЖЕНКО

Социальное воспроизводство как проблема феминистской теории*

Социальное воспроизводство в современном обществе включает несколько уровней: репродуктивный, социально-экономический, идеологический. Очевидно, что именно женщины играют центральную роль в процессах, разворачивающихся на всех трех названных уровнях, и эта роль становится особенно заметной сегодня.

Так, репродуктивная функция женщины - решающая в деле воспроизводства человеческого рода. Материнство остается пока одним из немногих социальных институтов, которого процесс модернизации коснулся в наименьшей степени. (Хотя развитие репродуктивных технологий в странах Запада меняет сегодня само представление о законах биологического воспроизводства, казавшихся незыблемыми, а завтра эти изменения могут быть еще более серьезными.) В развивающихся странах и странах с переходной экономикой демографические проблемы и проблемы репродуктивных прав также выходят на первый план, хотя и по другим причинам. При этом женщины перестают быть пассивным объектом демографической политики государства и все активнее отстаивают собственные интересы.

Сегодня, как и раньше, материнство ассоциируется с выполнением большей части работы внутри домашнего хозяйства и по обслуживанию других членов семьи - не только детей, но и взрослых. В экономических терминах это можно обозначить как существенный аспект воспроизводства рабочей силы. В современной экономике, где фактор качества рабочей силы и, соответственно, роль инвестиций в ее воспроизводство приобретают решающее значение, неизбежно встает вопрос о том, кто будет нести связанные с этим издержки. Оказывается, что, несмотря на возрастающую роль рынка и государства как институтов социального воспроизводства и его определенную реструктуризацию, семья (женщина) по-прежнему несет основное бремя этих издержек. Наконец, семья остается в любом обществе важнейшим институтом социализации нового поколения, роль женщин (активная и пассивная) в культурном воспроизводстве социальной системы, нации, класса возрастает как никогда.

Все эти аспекты проблемы в той или иной степени подверглись интервенции феминистской мысли. Однако взаимосвязь уровней социального воспроизводства недооценивалась и недостаточно анализировалась в феминистской литературе. Например, предпринимались попытки объяснить, почему женская репродуктивная функция является основой сложившегося экономического разделения труда между полами [1,2]. Ставился вопрос и об особой роли женской репродуктивной функции в

Работа выполнена при поддержке Фонда Дж. и К. Макартуров.

Журженко Татьяна Юрьевна - кандидат философских наук, доцент кафедры философии Харьковского национального университета.

процессах символического воспроизводства [3]. Но все же разные аспекты темы рассматривались обычно дифференцированно, вне связи друг с другом. Попробуем исследовать социальное воспроизводство в гендерной перспективе как целостное явление, различные уровни которого взаимосвязаны.

Эволюция институтов социального воспроизводства

Рассмотрим основные институты социального воспроизводства, взаимоотношения между которыми и задают его особенности в различных обществах. В первую очередь это *семья, рынок и государство*. Процессы модернизации в западных обществах были связаны с формированием рынка, превращением наемного труда в основной источник доходов семейного бюджета и постепенной утратой семьей ее производственной функции, и в то же время - с беспрецедентным расширением социальных функций современного государства. Таким образом, исторический отсчет существования современной модели социального воспроизводства и соответствующей конфигурации "семья-рынок-государство" связан с возникновением и развитием западного капитализма.

Семья. На протяжении всей человеческой истории семья оставалась основным институтом, обеспечивающим социальное воспроизводство, и представительницы западного феминизма не случайно видели в ней основной источник угнетения женщин. Однако в доиндустриальных обществах семья отнюдь не была обособленной сферой частной жизни, а нерасторжимо вплеталась в систему хозяйственных отношений. Во многом ее особенности определялись формой производства. В доиндустриальных семьях крестьян, надомных рабочих или ремесленников ведение домашнего хозяйства практически не было отделено от производственного процесса, грань между производственным и репродуктивным трудом еще не была четкой.

Хотя деятельность, связанная с воспроизводственными функциями, оказалась закрепленной главным образом за женщинами, а производственная в большей степени за мужчинами, это не означало еще отделения процессов производства от воспроизводства в масштабах всего общества. Как свидетельствуют исследования современных историков [4], доиндустриальная крестьянская семья в Западной Европе ничем не выделялась из сообщества людей, проживающих в одном доме, независимо от того, состояли ли они в кровном родстве (модель "всего дома"). Производство, как правило, не выходило за рамки домашнего хозяйства. Большая часть продукции производилась для внутреннего потребления, и женщина кроме воспроизводственных выполняла важнейшие производственные функции. Более того, в условиях, когда задачей семьи было прежде всего физическое выживание, а число детей определялось уровнем детской смертности, крестьянская семья вообще не была еще сосредоточена на задачах репродукции, а тем более социализации детей. Об этом свидетельствует, например, резкое повышение детской смертности в периоды интенсивных полевых работ.

Подлинная революция в истории семьи и радикальное изменение соотношения производственных и воспроизводственных функций произошло с началом индустриализации и возникновением буржуазной модели семьи. Конечно, изменение места и роли семьи и брака в обществе было вызвано не только экономическими последствиями промышленной революции. В XVIII столетии в культуре и литературе начала формироваться новая идеология личных отношений - романтическая любовь. По словам Н. Лумана, "дифференциация социальных систем сделала возможным обходиться без семейных связей (создаваемых браком) в качестве стержня функционирования политических, религиозных и экономических институтов" [5, p. 145].

Семьи теперь должны были создаваться заново в каждом поколении. По мере того как "естественные" родственные связи утрачивали свое значение, происходила индивидуализация личных отношений, сопровождающаяся их "идеологизацией", возникла потребность в особой семантике "любви" и "личного счастья" - воспроизводство

человеческого рода оказалось опосредованным идеологией. «Решение о репродукции, точнее, "о создании следующего поколения" принималось в полностью индивидуализированном, неограниченном селективном процессе, в котором действительное наличие контроля оставалось скрытым. Свобода и институт, таким образом, совпадали» [5, р. 149]. Эту тенденцию Э. Гидденс назвал "социализацией репродукции" в своем исследовании трансформаций интимной сферы: «Модернизация связана с социализацией естественного мира - прогрессивной заменой структур и событий, бывших внешними параметрами человеческой деятельности, социально организованными процессами. Не только социальная жизнь, но и то, что обычно называлось "природой", стало управляться социально организованными системами» [6, р. 36].

Однако именно новый класс - буржуазия - воплотил эти новые тенденции в конкретные социальные формы, создал миф и идеологию семьи. Буржуазия изобрела особое пространство семьи как сферу частной жизни, обособленную от экономики и политики, отделила бизнес, производство, обогащение от эмоционального общения, любви к близким, супружества, воспитания детей. Индустриализация привела к вынесению работы за рамки дома, производство впервые столь радикально было отделено от воспроизводства. Это отделение определило модель как буржуазной, так и пролетарской семьи, но совершенно по-разному.

Для буржуазии разделение на производство и воспроизводство имело в первую очередь символическое значение. Она создала идеологию, миф, образ жизни. Процесс обособления сферы частной жизни включал: индивидуализацию отношений между супругами, превращение брака в "эмоциональное предприятие" (Гидденс), мифологизацию материнства, эмоционализацию отношений между родителями и детьми и ее педагогизацию (выделение воспитания в отдельную деятельность), освобождение частной жизни от внешнего контроля и возрастание авторитета главы семьи. Разделение на частную сферу и внешний мир, на домашнее хозяйство и производство привело к тому, что разделение труда, которое в добуржуазной семье было обусловлено потребностями производства, приобрело теперь символический характер, будучи закрепленным с помощью характеристик "мужского" и "женского". Расматриваемые как природные, биологические характеристики, "мужественность" и "женственность" предопределяли теперь социальные роли и иерархию полов, и этой иерархии подчинялось отныне соотношение производства и воспроизводства.

В пролетарской семье, как и в буржуазной, домашнее хозяйство было отделено от производства, поскольку труд наемных рабочих использовался на фабрике. Однако в отличие от буржуазной семьи определяющим фактором стала не идеология, а экономика: рабочие были вынуждены искать приложение своих сил вне домашнего хозяйства. Производственная деятельность (т.е. характер труда, способ оплаты, психическая и физическая нагрузка) определяла семейную жизнь. Соотношение процессов производства и воспроизводства диктовалось условиями выживания. Поэтому долгое время, вплоть до конца XIX века, семья наемного рабочего была гибкой подвижной структурой, совмещающей производственные и воспроизводственные функции. Зачастую, особенно в периоды экономических спадов, она зависела от деятельности женщин и детей по самообеспечению внутри семьи, от различных форм родственной и соседской солидарности не меньше, чем от заработной платы занятых в производстве членов семьи.

Окончательный переход рабочей семьи в сферу частной жизни и отделение производства от воспроизводственных функций были длительными и стали возможными благодаря росту уровня жизни широких масс и введению государственных программ социальной защиты. В немалой степени этому способствовала политика рабочих партий и профсоюзов, активное вмешательство церкви, благотворительных организаций и специально созданных государственных органов в решение проблем рабочей семьи. По замечанию Р. Зидера, "социал-демократические функционеры, как и буржуазные наблюдатели, видели в пролетарской семейной жизни прежде всего дефицит культуры, любви и порядка" [4, с. 127]. Критике подвергалась прежде всего

неспособность пролетарской семьи обеспечить социальное воспроизводство, соответствующее стандартам буржуазной модели (недостатки ухода за детьми и воспитания, связанные с занятостью обоих родителей вне семьи). Тем самым буржуазная модель семьи стала идеологически доминирующей и была внедрена в другие социальные слои.

Окончательное освобождение семьи от производственной функции и превращение ее в потребительскую структуру было ускорено развитием общества массового потребления. Развитие новых отраслей производства товаров и услуг, замещающих традиционные виды домашней деятельности (например, производство полуфабрикатов и готовой одежды), механизация домашнего труда привели к высвобождению свободного времени, превращению досуга и общения членов семьи в самостоятельную ценность. Однако эти сдвиги отнюдь не разрешили проблемы внутрисемейного разделения труда и гендерного неравенства. Возможно, уменьшившись в абсолютном выражении, это неравенство стало, по выражению У. Бека, более видимым и более осознанным, менее легитимным.

Что происходит сегодня с семьей как институтом социального воспроизводства? Существенно возросло участие в воспроизводственных процессах таких институтов, как рынок и государство. Развитие государственных программ социальной защиты, образования и здравоохранения, с одной стороны, расширение потребительского рынка - с другой, позволили снять с семьи часть издержек социального воспроизводства. Появление альтернатив традиционной семье (небрачные пары, молодежные коммуны, одинокие родители с детьми) свидетельствует о возможности обеспечить воспроизводство вне традиционной модели семьи, опираясь главным образом на потенциал высокоразвитого рынка. По сути, семья постепенно утрачивает свою монопольную воспроизводственную функцию. Поиск новых форм организации социального воспроизводства становится насущной потребностью: Гидденс, например, пишет о необходимости институционального отделения родительства от брака в целях обеспечения интересов детей [6, p. 217].

В то же время с утратой семьей производственных функций, а также с передачей части воспроизводственных функций рынку и государству, деятельность, связанная с социализацией и поддержанием отношений, стала главной. Происходит *реструктуризация социального воспроизводства*, отвечающая потребностям высокоразвитого рынка труда в компетентных, творчески мыслящих и все же управляемых работниках. С возрастанием роли человеческого капитала в современной экономике резко повышаются требования к воспроизводству рабочей силы (настоящей и будущей), особое значение приобретают функции рекреации и социализации. По мнению многих исследователей, возрастающие в связи с этим издержки воспроизводства все еще в решающей мере возлагаются на семью, а внутри семьи - на женщину. Структура социального воспроизводства современного общества остается в значительной степени патриархатной.

Кажущаяся автономность семьи от сферы производства и рынка не должна вводить в заблуждение. Семья не только производит рабочую силу, но и участвует в воспроизводстве системы социальных отношений рыночного общества. Она продолжает оставаться фундаментом индустриального рыночного общества, не только обеспечивая воспроизводство рабочей силы посредством неоплачиваемого домашнего труда, но и поддерживая его идеологические основания.

Рынок. Его роль в эволюции социального воспроизводства с позиций феминизма выглядит достаточно противоречиво. Очевидно, что в XX веке вместо предсказываемого марксистами обобществления домашнего труда, которое должно было избавить женщин от угнетения, происходил совсем другой процесс: укрепление буржуазной (по своему происхождению и идеологии) модели семьи и превращение ее в важнейшую единицу потребления. "Отмирание семьи как хозяйственной единицы" происходило совсем по-иному: не путем кооперации или огосударствления домашнего хозяйства, а путем экспансии рынка в сферу семейного воспроизводства. Им ос-

ваивались все новые виды товаров и услуг, производимые ранее внутри домашнего хозяйства. Одновременно произошел массовый выход женщин на рынок труда, создавший условия для их экономической независимости.

В высокоразвитом индустриальном обществе семья стала важнейшей единицей потребления, организация и координирование которого все еще осуществляются в существенной мере женщиной. Современная семья с возрастанием доходов предъявляет спрос на новые виды товаров и услуг, способствуя созданию новых рынков и экономическому росту. Так, семейный бум 50-60-х годов способствовал возникновению и развитию целого сектора экономики - производства бытовой техники, призванной "модернизировать" сферу семейного воспроизводства. И не случайно продвижение этой продукции на рынок было связано с идеологической экспансией сексизма, навязыванием с помощью рекламы и средств массовой информации культурных имиджей и моделей поведения. Образ "современной" домохозяйки прилагался в 50-е годы к купленной стиральной машине или электрической мясорубке. Сегодня это, скорее, образ профессионально успешной деловой женщины, "экономящей свое время". Связь между сферой рыночного производства и семейного воспроизводства осуществляется теперь через высокоорганизованное "рефлексивное" потребление, уже немыслимое без идеологии и политического контроля в интересах развития рынка.

Развитие рыночной сферы услуг, замещающих домашние услуги, механизация многих видов домашнего труда, внедрение времясберегающих технологий и новых материалов, совершенствование инфраструктуры общества потребления указывают на то, что высокоразвитый потребительский рынок берет на себя значительную часть издержек социального воспроизводства. Это увеличивает свободное время членов семьи, расширяет ее рекреационные и социализирующие возможности. Однако, как показывают исследования, трудосберегающие технологии не обязательно сокращают время, затрачиваемое на домашний труд. Английская исследовательница Дж. Гардинер выделяет два фактора, объясняющие этот парадокс. Во-первых, новые технологии, повышая продуктивность домашнего труда, часто приводят лишь к росту стандартов потребления, а не к экономии времени. Во-вторых, происходит реструктуризация домашнего труда: время, сэкономленное за счет одного трудового процесса, перекрывается ростом затрат времени на другие виды деятельности (например, сокращение времени на рутинный домашний труд сопровождалось в последние десятилетия ростом затрат времени на уход за детьми) [7].

Немецкий социолог У. Бек в книге "Общество риска" прекрасно показал причины сохраняющегося гендерного неравенства в высокоразвитом рыночном обществе [8]. Он рассматривает индустриальное общество XX века как "современное феодальное общество", где мужской и женский пол играют роль "современных сословий" с предписанными от рождения "гендерными судьбами". Это, несомненно, противоречит требованиям высокоразвитого рынка, требующего от индивида динамизма и "стандартизации" биографии, освобождения от гендерной, этнической, культурной связанности. В то же время такой "современный феодализм" - не рудимент традиции, а продукт и основание индустриального общества. Семья и домашний труд по-прежнему необходимы в системе воспроизводства рыночного общества, однако это все больше противоречит его универсалистским принципам и придает напряжение гендерным противоречиям современного западного общества. Разделение на рыночное производство и семейное воспроизводство, сложившееся в XIX веке, представляют собой две системы с противоположными организационными принципами и ценностями (контракт и коммунальность, индивидуальная конкуренция и самопожертвование во имя семьи). Долгое время их функциональная взаимодополняемость не вызывала сомнений, однако сегодня они все больше противоречат друг другу. Бек называет это противоречием современности и контрсовременности в рамках индустриального общества.

"Рефлексивная модернизация", приблизившаяся к порогу семейной сферы, подталкивает к поиску новых форм ре-объединения работы и жизни, домашнего и оплачиваемого труда. Сложившееся соотношение между семейным воспроизводством и рыночным производством сегодня особенно нестабильно. Бек видит несколько вариантов разрешения кризисной ситуации: углубление гендерного равенства в соответствии с маскулинной (рыночной) моделью, возвращение к традиционной семье, экспериментирование с новыми формами организации жизни за рамками мужских и женских социальных ролей. Третий путь, противостоящий псевдоальтернативам ре-фамилиализации (возврата к традиционным гендерным ролям) и подчинения индивидуализирующему давлению рынка, представляется предпочтительным и в то же время наиболее открытым. Но он требует институциональных реформ, создающих и поддерживающих "царство возможностей" для поиска новых форм ре-объединения оплачиваемого труда и домашней работы, рыночного производства и семейного воспроизводства.

Государство. Современное государство не только берет на себя значительную часть воспроизводственных издержек, но и оказывает влияние на формирование новых моделей поведения и распределение гендерных ролей в семье. Институционализация социальных прав и рождение государства благосостояния привели к изменению модели социального воспроизводства. Однако со времени своего возникновения государство благосостояния было гендерно дифференцированным, предлагая для мужчин систему социального страхования, непосредственно увязанную с участием в производстве и уровнем доходов, а женщине - льготы и пособия, связанные с выполнением ее воспроизводственных функций, и прежде всего с материнской ролью. Вся система социального обеспечения была построена таким образом, что благосостояние женщины определялось доходами ее супруга в большей степени, чем ее собственным участием в производстве. Даже пособия на детей довольно долго выплачивались не матери, а главе семьи.

В области трудового законодательства в большинстве западных стран в отношении женщин и детей был принят ряд протекционистских мер, запрещающих ночной труд, сверхурочную работу, работу в тяжелых и вредных условиях. При этом ограничения оправдывались заботой не столько о здоровье женщины, сколько о будущих поколениях — женщина рассматривалась в первую очередь не как работник или гражданин, а как носитель воспроизводственной функции.

Социально важная роль женщин в укреплении семьи (совпадающая с задачами демографической политики) была поддержана и идеологическими средствами. В целом государство социализировало гендерный контракт патриархальной семьи, возлагающий на женщину диспропорциональную долю ответственности за обеспечение семейного воспроизводства. Все же политика государства благосостояния (даже материалистски ориентированная) снизила экономическую зависимость женщин в частной сфере предоставлением им альтернативных источников финансовой помощи. Но это была именно помощь - женщина по-прежнему оставалась ответственной за выполнение семьей функции социального воспроизводства. Материалистский дискурс оставался господствующим до 60-х годов, когда под влиянием феминизма "второй волны" началась борьба за гендерное равенство в экономической и политической сфере.

Под влиянием женского движения в большинстве западных стран (прежде всего в странах социал-демократической модели государства благосостояния) были приняты меры, обеспечивающие женщинам доступ на рынок труда и равный с мужчинами экономический статус. В дополнение к материнским пособиям была развернута система государственных детских дошкольных учреждений, введено отдельное налогообложение супругов и законодательно закреплены женские репродуктивные права. Новая направленность социальной политики большинства западных государств привела к ослаблению сложившейся модели семьи, состоящей из мужа-кормильца и зависимой жены, и способствовала внедрению двойной роли работающей матери.

Акцент в социальной политике был перенесен с материнства на родительство. Ряд мер был направлен на изменение сложившегося распределения домашней нагрузки между супругами (например, обязательный отпуск по уходу, предоставляемый отцу ребенка). Однако наиболее существенным был сдвиг в самой идеологии социального воспроизводства, которое стало рассматриваться как общенациональная, а не внутрисемейная проблема.

Однако с середины 80-х годов государство благосостояния в большинстве западных стран переживает серьезный кризис. Это не просто кризис финансовых основ, а кризис легитимации, связанный с размыванием чувства социальной солидарности и дифференциацией интересов различных социальных групп. Он имеет и гендерный акцент - нарастающее перераспределение ресурсов между полами, пошатнувшаяся монополия мужчин на рынке труда и утрата контроля над семейной сферой пробуждает у них чувство гендерной солидарности. Очевидная бюрократизация пассивного государства благосостояния также имела негативные гендерные последствия, поскольку зависимость от кормильца семьи сменилась для многих женщин зависимостью от государства. Существенным фактором стало изменение идеологического баланса: дискредитация социалистических идей и рост влияния неолберализма, проповедующего минимизацию вмешательства государства и в экономику вообще, и в семейные отношения в частности.

Сегодня очевидно, что критика тенденции к огосударствлению социального воспроизводства была во многом справедливой. Но очевидно и то, что рынок не может полностью заменить в этой сфере государство, а возвращение к традиционной семейной модели воспроизводства является анахронизмом. В условиях постиндустриальной рыночной экономики, когда в результатах социального воспроизводства заинтересовано общество в целом, необходим новый консенсус и новая легитимация перераспределения его издержек. Понятия активного гражданства, опоры на сообщество и социальные связи, добровольного участия начинают все более активно использоваться сегодня применительно к социальным правам. Под влиянием феминистской критики идет активный процесс переформулирования самого понятия социального гражданства, попытки преодоления дихотомии этики справедливости и этики заботы, автономии и взаимозависимости, равенства и различия.

Вероятно, окончательное разрешение этой дилеммы невозможно в рамках индустриального общества, основанного на разделении рыночного производства и семейного воспроизводства на отдельные сферы деятельности с противоположными нормами и идеологией. Начавшееся их сближение - длительный процесс, который не может быть разрешен только на основе какой-то одной стратегии.

От государственного социализма к переходной экономике: кризис социального воспроизводства

Участие государства в процессах социального воспроизводства было особенно значительно в бывших социалистических странах, и многие склонны видеть в этом одну из причин современного кризиса воспроизводственной сферы, с трудом адаптирующейся к условиям рынка. Однако отличие модели государственного социализма состоит не только и не столько в степени огосударствления сферы воспроизводства, сколько в качественном своеобразии сложившейся модели. Ее основы были заложены революционной политикой в отношении женщин и семьи в первые годы Советской власти, но в дальнейшем подверглись значительной коррекции в ходе эволюции экономической и политической системы СССР. В советском законодательстве, надолго опередившем эпоху и задавшем ориентиры для западного феминистского движения, женский вопрос был разрешен на основе радикально-демократических принципов. Брак рассматривался как союз равных партнеров, который может быть свободно расторгнут по желанию одной из сторон. Государство всеми способами вовлекало женщин в общественное производство, руководствуясь

марксистским тезисом, что женская эмансипация достигается прежде всего участием в общественно-полезном труде. Государственная поддержка материнства стала одним из приоритетов внутренней политики.

Очевидно, что экономическая и политическая мобилизация женщин стала для новой власти насущной необходимостью. В условиях послевоенной разрухи советское государство было крайне заинтересовано в притоке дополнительных трудовых ресурсов, а женская рабочая сила была более дешевой и дисциплинированной. В то же время столкнувшись с большими человеческими потерями в ходе мировой и гражданской войн страна оказалась перед проблемой катастрофической убыли населения и, соответственно, перед необходимостью стимулирования рождаемости. Результатом этих противоречивых тенденций стала политика, поощряющая совмещение женщиной производственной и воспроизводственной функций под прямым контролем и патерналистской опекой государства. Так были заложены основы гендерного контракта работающей матери [9], характерного для всех стран государственного социализма. В отличие от скандинавской социал-демократической модели, также опирающейся на этот тип контракта, он внедрялся в принудительной и безальтернативной форме (всеобщая трудовая повинность, введение прямого распределения материальных благ, обобществление быта); радикальный демократизм антипатриархатной политики парадоксально сочетался с подчинением личности коллективу и государству.

Большинство исследователей этой проблемы сталкивается с вопросом, чем в первую очередь определялась советская гендерная политика: идеологией или экономической необходимостью, принципами или прагматизмом? С одной стороны, женщины были необходимы экономике в качестве важнейшего трудового ресурса, и активные мероприятия советской власти по созданию сети детских дошкольных учреждений, по обобществлению и рационализации быта, развитию государственных коммунальных служб должны были содействовать этой политике трудовой мобилизации. С другой стороны, советская политическая и экономическая системы вряд ли могут быть поняты с позиций веберовской рациональности, поскольку для достижения исключительно идеологических целей сплошь и рядом расходовались неадекватные материальные и человеческие ресурсы.

Показательны с этой точки зрения работы А. Коллонтай, в которых драматически пересеклись дискурсы женской эмансипации и построения коммунизма. Развивая марксистскую идею освобождения женщины путем вовлечения ее в общественное производство, Коллонтай дополняет ее развернутой стратегией обобществления домашнего труда, ликвидации индивидуального домашнего хозяйства, "отделения брака от кухни" и передачи государству значительной части материнских функций. Обобществление производства - основа революционной программы большевиков - должно было с необходимостью дополняться обобществлением сферы воспроизводства.

Рассматривая семью как главным образом экономическую единицу, основанную на частной собственности, Коллонтай предсказывала окончательную замену семейных связей коллективными. Тем самым брак становился частным и второстепенным делом, относящимся к области чувств и сохраняющим юридическую форму только в силу переходного характера. Материнство же, наоборот, из частной проблемы женщины превращалось в дело государственной важности, ее важнейшую социальную обязанность. "Трудовое общество должно поставить беременную женщину в наиболее благоприятные условия, женщина же со своей стороны должна соблюдать все предписания гигиены в период беременности, помня, что в эти месяцы она перестает принадлежать себе - она на службе у коллектива - она производит из собственной плоти и крови новую единицу труда, нового члена трудреспублики. Вторая обязанность женщины с точки зрения социальной задачи материнства - самой выкормить грудью младенца. Только выкормив собственной грудью младенца, имеет право женщина - член трудового коллектива - сказать, что ее социальная обязан-

ность по отношению к младенцу - выполнена" [10, с. 173]. Материнство сводится здесь исключительно к биологическим функциям деторождения и кормления, функция социализации практически полностью передается государству: отныне не родители, а общество несет основную ответственность за воспитание ребенка.

Революционный утилитаризм Коллонтай в отношении женщин может поразить современного читателя: "Надо сберечь силы женщины от непроизводительной затраты на семью, чтобы разумнее использовать их для коллектива, надо охранить ее здоровье, чтобы этим самым обеспечить трудреспублике приток здоровых работников в будущем" [10, с. 171]. Однако в основе такого прагматизма лежало ее искреннее убеждение в том, что интересы женщины и интересы советского государства (впервые в истории!) совпали и женщина наконец может быть востребована обществом.

Идея прямого контракта женщины с государством, в неявном виде присутствующая в работах Коллонтай, в действительности отнюдь не означала автоматического повышения социального статуса женщины. В западной феминистской литературе этот процесс был назван "заменой приватного патриархата публичным" и подробно анализировался в работах, посвященных гендерным аспектам государства всеобщего благосостояния.

Однако, на мой взгляд, судьба "женского вопроса" в условиях социализма определялась не столько официальной идеологией или необходимостью трудовых ресурсов для экономической модернизации, сколько принципами распределения власти внутри советской системы и скрытыми механизмами ее функционирования. Хотя в своей развитой форме данная система сложилась гораздо позже, удивительные оговорки на этот счет опять-таки встречаются у Коллонтай: "При посадке в трамвай и на железной дороге, при получении пропусков, справок и т.д. беременные пользуются правом, которое приравнивает их к членам ВЦИК и которого они не имеют ни в одной стране мира - они проходят вне всякой очереди" [10, с. 163].

Эта вообще-то привычная для слуха советского человека констатация может быть прочитана и таким образом: под прикрытием официальной идеологии построения нового общества создавалась новая социальная иерархия, отмеченная различной степенью доступа к социальным благам и привилегиям. В обществе, где частная собственность была практически упразднена, расширение возможностей пользования социальными благами, формально принадлежащими обществу, было важнейшим показателем личного успеха и высокого социального статуса. Решение "женского вопроса" рассматривалось в этой системе как жестко регламентируемый доступ (только на основании "материнства" как особого общественно значимого статуса!) к социальным благам, льготам и привилегиям, которыми неограниченно пользовался государственный и партийный аппарат. В качестве примеров можно назвать расширение возможностей медицинского обслуживания в рамках комплекса мер по охране материнства и детства, государственные субсидии на поддержание низких цен на товары детского ассортимента и прямое распределение некоторых видов товаров, возможности улучшения жилищных условий для многодетных семей. В крайне ограниченных масштабах и с различными оговорками женщины как "льготный контингент" допускались к тем социальным благам, пользование которыми аппарат считал своей должностной привилегией. В отличие от льгот и привилегий номенклатуры женские льготы и привилегии носили, скорее, символический характер, подтверждающая провозглашенную на уровне официальной идеологии заботу общества о будущем поколении.

Доступ женщин к реализации их социальных прав в СССР целенаправленно регламентировался государством, прямо заинтересованным в расширенном социальном воспроизводстве. Выступая одновременно как монопольный работодатель на рынке труда и как регулирующая инстанция, определяющая доступ к социальным привилегиям, связанным с материнством, государство могло использовать оба рычага в зависимости от демографической и экономической конъюнктуры. Ориентация на

расширенное воспроизводство населения в условиях значительных человеческих потерь и угрозы новой войны все время присутствовала в советской политике, но в 20-е годы государству катастрофически не хватало ресурсов, чтобы реально взять на себя часть воспроизводственных функций. В условиях разрухи доминировали краткосрочные цели, и государство было вынуждено делать акцент на производственной функции женщины. Однако уже в 30-е годы происходит резкая переориентация государственной политики на семью как основную единицу воспроизводства (процесс, названный В. Райхом, К. Миллет и другими "сексуальной контрреволюцией"), а официальная идеология равноправия и реальная политика в отношении женщин расходятся все дальше друг от друга.

В 1936 году была принята сталинская конституция, официально провозгласившая равноправие женщин в СССР, и в том же году постановлением ЦИК и СНК СССР были приняты меры по укреплению семьи и повышению рождаемости, предусматривающие запрещение аборт, усиление материальной помощи многодетным семьям, усиление ответственности за невыплату алиментов. Государство вернуло семье родительскую власть и ответственность за воспитание детей, в то же время сохранив за собой контроль над социализацией средствами идеологического воздействия.

Укрепляя семью, советское государство тем не менее не позволило ей превратиться в автономную структуру, которая могла бы стать опорой независимой частной сферы, свободной от прямого вмешательства государства. Хотя со временем степень ее автономии возросла и в 70-е годы советская семья стала неким подобием западной потребительской единицы (с поправкой на условия экономики дефицита). Полная экономическая зависимость от государства препятствовала развитию структур патриархата в западном варианте. Контракт члена семьи с государством оказывал на его жизнь более существенное влияние, чем (условно говоря) брачный контракт.

Таким образом, сложившаяся модель реального социализма отличалась особой ролью государства в сфере социального воспроизводства. Контроль и управление воспроизводственными процессами осуществлялись с помощью прямого контракта работающей матери с государством, по условиям которого основные социальные гарантии и льготы реализовывались через участие в общественном производстве. Рынок труда поэтому был важнейшим институтом, задающим параметры социального воспроизводства. Но условия его функционирования определялись монопольным работодателем - государством (жесткое регулирование жилищных условий, миграции и профессиональной мобильности), и с определенных позиций он вообще не может рассматриваться как "третья сила". С одной стороны, монополия на рынке труда позволяла государству обеспечивать работающим женщинам определенный набор социальных гарантий и льгот, с другой - ограничивала возможности карьеры и профессионального роста заранее заданным набором возможностей.

Как известно, теневой стороной гендерного контракта работающей матери с государством стало двойное бремя производственной и домашней нагрузки, тем более тяжелое, что потребительский рынок не мог обеспечить необходимый для семейного воспроизводства набор благ и услуг. Недостаточное развитие отраслей, производящих потребительские товары, было системным признаком реального социализма, поскольку прибавочная стоимость, созданная в этих отраслях, изымалась и перераспределялась в пользу отраслей тяжелой промышленности. Это происходило на фоне бурного роста новых отраслей, производящих товары массового спроса, начавшегося на Западе уже в 50-е годы. Все более нараставшие различия стали осознаваться как драматические в 70-е годы, когда на Западе сложилось "общество массового потребления". В таких условиях реальность повседневной жизни с дефицитом, очередями и огромными потерями времени на домашнее хозяйство окончательно разошлась с официальной идеологией равенства. Государственный рынок не мог удовлетворить и части потребительского спроса населения, а черный рынок был доступен далеко не всем.

Не удивительно, что одним из следствий гендерного контракта "работающей матери" стало всевозрастающее бремя издержек социального воспроизводства, возлагаемое на семью. Рост запросов, предъявляемых населением к уровню потребления и качеству жизни, не находил адекватного ответа ни у патерналистского государства, ни на ограниченном потребительском рынке. В условиях товарного дефицита, недоразвития сферы бытовых и социальных услуг женщины, занятые профессиональной деятельностью, были вынуждены тратить значительные силы и время на рутинный домашний труд и организацию потребления.

Государственная политика социальных гарантий и льгот работающим матерям, основы которой закладывались еще в первые годы советской власти, была ориентирована на экстенсивное социальное воспроизводство, соответствующее потребностям экстенсивного экономического роста. Семья, бывшая объектом патерналистской опеки государства, могла обеспечить именно такой тип воспроизводства. Однако уже в 70-е годы советская семья приобретает некоторые черты западной модели. Возрастает неустойчивость брака, связанная с индивидуализацией отношений супругов и завышенными эмоциональными ожиданиями, а противоречие между возможностями женской профессиональной карьеры и связанностью традиционными ролями начинает осознаваться как реальная проблема. Отношение к деторождению также становится более индивидуализированным. Ребенок рассматривается теперь как главный объект инвестиций; в этом советская семья мало чем отличается от западной. Уровень и разносторонность образования, возможности дополнительного обучения приобретают все большее значение, и забота об обеспечении качества в этой сфере целиком возлагается на семью - государство может обеспечить лишь необходимый, равный для всех минимум. Роль школы и официальной системы образования в социализации детей становится все более формальной, и семье незаметно возвращаются отобранные государством функции. Этот феномен ослабления позиций государства в сфере семейного воспроизводства, имевший место еще до начала реформ, содержит очевидную параллель с процессами размывания госсобственности и теневой приватизации в экономике. Как экономическая модель, так и модель социального воспроизводства, свойственные реальному социализму, продемонстрировали свою неадекватность требованиям времени.

Экономические и политические реформы, начавшиеся в СССР, а затем продолженные бывшими советскими республиками, обострили этот наметившийся кризис социального воспроизводства, точнее, наложили на него другой, *трансформационный кризис воспроизводственной сферы*. В его основе лежит разрыв социального контракта и перераспределение функций между семьей, государством и рынком. Под влиянием идеологии рыночных реформ, с одной стороны, и пропаганды семейных Ценностей - с другой, происходит радикальная реорганизация социального воспроизводства, связанная с приватизацией большинства функций, обеспечивавшихся ранее государством. В то же время рыночный сектор пока еще недостаточно развит, чтобы предоставлять широким массам населения альтернативные социальные услуги на коммерческой основе. Это приводит к возрастанию социального бремени, возлагаемого на семью, и в первую очередь на женщину. Однако неверно было бы полагать, что причины сложившейся ситуации ограничиваются введением рынка. Серьезные трансформации (а часто - деформации) испытывают сегодня все институты социального воспроизводства, а также формы и способы их взаимодействия.

Изменение роли государства как института социального воспроизводства не сводится к отказу от патерналистской социальной политики и финансовой неспособности обеспечить даже официально взятые на себя обязательства (достаточно вспомнить систематические задержки по выплате социальных пособий и пенсий, размер которых не может обеспечить физического выживания). Приватизация в постсоветском варианте (в отличие от неолиберальной модели) означает не столько минимизацию роли государства, сколько изменение его природы. Система номенклатурных должностных привилегий и регламентируемого доступа к социальным

благам не уничтожена, а коммерциализирована - привилегии и льготы стали предметом торга между корпоративными структурами. Женское движение, как оно сложилось, например, на современной Украине, также обречено участвовать в этом политическом торге.

Приватизация в постсоветском контексте означает не только приватизацию социальной сферы (что сделало многие социальные блага и услуги недоступными для большинства населения), не только приватизацию в экономике (возникновение нового класса частных собственников и работодателей, склонных дискриминировать женщину в условиях жесткой конкуренции на рынке труда), но и приватизацию и коммерциализацию номенклатурной системы привилегий (что резко повысило значение семейных и родственных связей для передачи их по наследству). Возможность исключительного доступа к источникам личного потребления, на которых основывалась советская иерархия власти, трансформируются сегодня в тривиальную частную собственность. Однако очевидно, что этот процесс застопоривается на промежуточных, переходных стадиях. И в этих условиях женщины оказываются, как правило, исключенными из корпоративных мужских связей. В системе семейных и родственных связей, приобретающих форму экономических и политических кланов, женщине отводится биологизированная роль воспроизводителя и связующего звена.

Рынок как институт социального воспроизводства, несомненно, расширил свои функции, но в меньшей мере, чем этого можно было ожидать. В сущности, введение свободного рынка позволило решить краткосрочные задачи ликвидации дефицита и насыщения потребительского спроса (в значительной мере за счет инфляции и обнищания большинства населения). При этом качество жизни снизилось и, несмотря на изобилие новых товаров, только меньшинство людей смогло организовать внутрисемейное потребление согласно западным стандартам. В целом рыночные реформы привели не к сокращению, а как минимум к реструктуризации домашнего труда. Например, интенсивный труд на приусадебном участке, даже если он не является средством физического выживания семьи, дает возможность сэкономить средства для приобретения новых товаров. Более того, в большинстве случаев произошло возрастание объемов домашнего труда за счет замены рыночных товаров и услуг домашними как более дешевыми и доступными. Особенно это касается социальных услуг, связанных с уходом за детьми и пожилыми людьми. Тенденция к натурализации домашнего хозяйства усиливается с падением уровня доходов семьи.

В сложившейся ситуации семья представляет собой не только главный объект воздействия экономических преобразований и идеологических стратегий различных политических сил. Она становится также важнейшим ресурсом социальных трансформаций. Вряд ли социальная наука в полной мере осознала, что все эти годы семья была основным буфером, смягчающим напряжение в обществе, резервом неоплаченного и экономически неучтенного труда, компенсирующего провалы в экономике. Семья, вынужденная вернуть себе часть производственных функций под влиянием экономических трудностей переходного периода, стала для многих формой кооперации усилий, обеспечивающих физическое выживание, а в условиях распада старой символической системы — важнейшим источником сохранения идентичности и способом вписывания себя в окружающий мир. Вызванное этим усиление взаимозависимости членов семьи друг от друга отнюдь не означает ее автоматического "укрепления" - происходит, скорее, "солидарное, но неравное распределение риска и нагрузки" [4, с. 225]. С возрастанием социальной и экономической нестабильности и продолжающейся дезинтеграцией общества растет значение семейных и родственных связей. Семья и сеть родственных связей берут на себя функции обеспечения экономического выживания и социальной защиты.

Такому усилению роли семьи, вызванному, в частности, экономической конъюнктурой, противостоит контртенденция, которая соответствует современной стадии модернизации. Современная семья индивидуализируется, освобождается от груза

родственных связей, становится более открытой и гибкой структурой. Повышение независимости личности, признание важности ее потребностей и в то же время возрастание потребности в любви, эмоциональной защищенности и сексуальном счастье, сформированные не в последнюю очередь массовой культурой, поставили институт семьи перед лицом новых трудностей. Традиционалистские нормы, обеспечивающие ее устойчивость, все больше утрачивают свое влияние, а рынок и связанное с ним возрастание социальной мобильности подвергают семью дополнительным перегрузкам. Перед лицом рынка в условиях постсоциализма семья выполняет роль универсального института взаимного страхования, однако зачастую она не оправдывает возлагающихся на нее завышенных ожиданий. Неполные семьи матери с детьми оказываются в особенно уязвимом положении при отсутствии системы государственной поддержки.

Семья, к которой уже не только задним числом, но и усилиями официальной идеологии возвращается статус основного института социального воспроизводства, находится сегодня на пересечении различных политических и академических дискурсов. Либеральный дискурс (задавший основную направленность реформ в бывшем СССР) подчеркивает принцип индивидуализма и необходимость освобождения от патерналистской опеки государства, опору на собственные силы. Однако в рамках этого дискурса умалчивается, что "на практике единицей самоподдержки является не индивид, а семья" [11, р. 47], принцип индивидуализма подразумевает в действительности "фамилизм".

Экономическая независимость и опора индивида на собственные силы означает в действительности опору на членов семьи, их добровольные жертвы и неоплаченный труд, эмоциональную поддержку. В рамках либерального дискурса "разгосударствления" ответственность за воспитание детей была окончательно возвращена семье, родительство снова стало частным делом, в которое государству целесообразно вмешиваться только в исключительных случаях. Возможно, наиболее негативное следствие таких изменений - утрата консенсуса по поводу того, что общество должно нести свою долю ответственности за обеспечение социального воспроизводства, и в частности за воспитание детей. Постсоциалистическое "общество налогоплательщиков", связанное лишь общим недоверием к государству, рискует вернуться к архаическим патриархальным формам организации семейного воспроизводства, от которых уходят сегодня и Запад, и Восток.

Националистический дискурс, популярный сегодня на Украине, отличает озабоченность проблемой биологического воспроизводства нации. Проблемы сокращения рождаемости, роста детских заболеваний и детской смертности, депопуляции сельской местности, связанные с экономическим кризисом и неблагоприятной экологической ситуацией, активно эксплуатируются политической риторикой. Однако предлагаемое решение сводится главным образом к пропаганде укрепления семьи, традиционных ценностей, повышения престижа материнства и поощрения рождаемости. В отсутствие финансовых возможностей поддержки семьи реальный риск материнства полностью возлагается на женщину.

В рамках националистического дискурса биологическое воспроизводство неразрывно связано с культурным, с формированием национальной идентичности, обеспечивающим культурную интеграцию новой нации. Утрата национальных традиций, русификация большей части населения, отсутствие жизнеспособной "национальной идеи" воспринимаются как "культурная катастрофа", по масштабам схожая с демографической. Основной институт, на который возлагается миссия ее преодоления, восстановления прерванных связей и традиций, - опять-таки семья, а в семье - фигура "матери-Берегини". Национальный миф традиционной семьи (с сильным матриархальным акцентом) - опоры украинской культуры и государственности, препятствует осознанию реальных проблем постсоветской семьи, основанной на совсем других отношениях с государством. В действительности государство по-прежнему остается важнейшим идеологическим институтом, определяющим процессы

социализации и формирования идентичности через языковую политику и реформу системы образования, где "семья" становится важнейшим атрибутом новой символической системы.

Рассмотрение проблематики социального воспроизводства сквозь призму различных феминистских подходов позволяет сделать несколько выводов, которые представляют собой, скорее, открытые вопросы, чем окончательные ответы. Во-первых, различные формы гендерного неравенства и подчиненный статус женщины в обществе рассматриваются как следствие процессов модернизации и развития капитализма, связанных с историческим разделением на сферы рыночного производства и семейного воспроизводства - две системы с противоположными принципами организации и ценностями. Достижение гендерного равенства в высокоразвитом рыночном обществе предполагает поиск новых возможностей ре-объединения этих сфер человеческой деятельности. Во-вторых, проблематика социального воспроизводства, включающая в себя биолого-репродуктивный, социально-экономический и идеологический аспекты, требует применения междисциплинарного подхода, способного интегрировать результаты исследований в рамках различных дисциплин. Основой для такой интеграции может стать феминистская теория.

В-третьих, анализ основных институтов, участвующих в процессах социального воспроизводства (семья, рынок, государство), их функций и форм взаимодействия открывает возможности для рассмотрения особенностей организации социального воспроизводства в различных обществах и в различные периоды истории. Наконец, в-четвертых, гипотеза о развитии кризиса социального воспроизводства в посткоммунистических обществах, связанного с перераспределением функций между государством, семьей и рынком вследствие приватизации и рыночных реформ, открывает перспективы для анализа и интерпретации противоречивых демографических, социально-экономических и культурных тенденций с позиций гендерного подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Mackintosh M.* Reproduction and Patriarchy // *Capital and Class*. 1977. № 2.
2. *Folbre N.* Who Pays for Kids. Gender and the Structures of Constraint. London-New York, 1994.
3. *Yuval-Davis N.* Gender and Nation. London, 1997.
4. *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII-XX в.). М., 1997.
5. *Luhmann N.* Love as Passion. The Codification of Intimacy. Stanford (Cal), 1998.
6. *Giddens A.* The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Stanford (Cal), 1992.
7. *Gardiner J.* Gender, Care and Economics. London, 1997. P. 169.
8. *Beck U.* Risk Society. Towards a New Modernity. London, 1992.
9. *Temkina A.* Gender Contract and Gender System in Soviet Russia // *Idantutkimus-Russlandsforskning*. 1997. № 2.
10. *Коллонтай А.* Положение женщин в эволюции хозяйства. Лекции, читанные в Университете им. Я.М. Свердлова. М., 1922.
11. *Barret M., McIntosh M.* The Anti-Social Family. London-New York, 1994.

© Т. Журженко, 2000